

Московскіе розенкрейцеры XVIII столѣтія.

Я. Л. Барсковъ. Переписка московскихъ масоновъ XVIII вѣка. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Петроградъ, 1915 г.

За немногими исключеніями матеріалы, вошедшіе въ названный выше сборникъ, либо полностью, либо частями были уже извѣстны въ печати. Такъ, мы находимъ здѣсь прежде всего переписку московскихъ мартинистовъ за 1790—1792 гг., въ свое время подвергшуюся перлюстраціи на московскомъ почтамтѣ и благодаря этому сохранившуюся въ копіяхъ до нашего времени. Въ составъ этой переписки вошли главнымъ образомъ письма, которыми обмѣнивались между собою московскіе мартинисты и членъ ихъ братства А. М. Кутузовъ, поселившійся въ Берлинѣ съ цѣлью проникновенія въ высшія тайны масонства. Но къ той же коллекціи принадлежатъ и нѣкоторыя письма, не относящіяся къ перепискѣ Кутузова, хотя и тѣсно связанная съ нею по содержанию. Часть этой корреспонденціи была уже напечатана въ *Русской Старинѣ*. Въ настоящемъ сборникѣ она издана полностью по копіямъ, хранящимся въ петроградскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. За упомянутой перепиской въ сборникѣ слѣдуетъ написанный на нѣмецкомъ языкѣ дневникъ барона Шредера,—мартиниста-авантюриста, сыгравшаго не малую роль въ исторіи новиковскаго кружка. Дневникъ этотъ хранится въ Государственномъ архивѣ, въ бумагахъ Елагина. Пекарскій въ своемъ трудѣ: „Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи въ XVIII в.“, частью перевелъ, частью изложилъ дневникъ Шредера, не зная еще имени автора дневника. Теперь въ сборникѣ напечатанъ полный нѣмецкій оригиналъ этого дневника. Послѣ дневника Шредера въ сборникѣ помѣщены письма кн. Трубецкаго, Новикова и Ржевскаго, относящіяся къ 80-мъ годамъ XVIII столѣтія и рисующія возникновеніе въ Москвѣ розенкрейцерства. Эти письма, хранящіяся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, были обнародованы еще Ешевскимъ, но нѣкоторыя изъ нихъ Ешевскій далъ лишь въ изложе-

ніи. Теперь всё они напечатаны цѣликомъ, въ подлинномъ ихъ видѣ. Полной новостью въ печати являются два письма Новикова и одно письмо кн. Трубецкаго къ И. П. Тургеневу, также изъ Румянцевскаго музея. Наконецъ, изъ очень рѣдкаго изданія „Signatstern“ перепечатаны документы, касающіеся барона Шредера. Сборнику предпослано обширное введеніе, написанное Я. Л. Барсковымъ. Оно богато интересными фактическими сопоставленіями и любопытными соображеніями, съ которыми, впрочемъ, не всегда можно согласиться.

Таково содержаніе сборника. Для интересующихся исторіей русскаго масонства, но не имѣющихъ возможности работать въ архивахъ сборникъ сослужитъ важную службу. Здѣсь впервые въ полномъ объемѣ и въ точной редакціи обнародованъ рядъ документовъ первостепеннаго значенія, безъ которыхъ никакъ нельзя обойтись при изученіи московскаго розенкрейцераства.

Мы намѣрены остановить вниманіе читателей на этихъ документахъ. Въ тонкія подробности, интересныя для специалистовъ, мы не будемъ вдаваться. Но мы постараемся изложить нѣкоторыя общія заключенія о судьбѣ того розенкрейцерскаго кружка, съ которымъ связаны имена лучшихъ представителей московской интеллигенціи времени Екатерины II: Новикова, Лопухина, Гамалѣи, Кутузова. Этотъ кружокъ представляетъ глубокий интересъ не только для специальной исторіи русскаго масонства, но и для общей исторіи русской культуры. Съ этой общей точки зрѣнія онъ именно и займетъ насъ въ послѣдующемъ изложеніи.

I.

„Мартиннистами“ или „розенкрейцерами“ называли въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XVIII столѣтія немногочисленную и очень замкнутую группу лицъ, выдѣлившуюся изъ среды тогдашнихъ русскихъ масоновъ въ особый кружокъ, основанный профессоромъ московскаго университета Шварцемъ. Вышняя исторія возникновенія, развитія и уничтоженія этого кружка много разъ была рассказана различными авторами. Я лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ напомнимъ главнѣйшіе моменты этой исторіи.

Уже въ царствованіе Анны въ Россіи появляются зачатки масонства. Въ царствованіе Елизаветы распространеніе масонства въ русскомъ обществѣ становится еще замѣтнѣе. Но интересъ къ масонству носилъ тогда совершенно поверхностный, суетно-легкомысленный характеръ. То была просто-напросто барская игра, въ которой люди, не знающіе, чѣмъ заполнить избытокъ досуга, забавлялись побрякушками масонскаго ритуала, соединяя масонскіе обряды съ веселыми пирами въ такъ называемыхъ „столовыхъ ложахъ“. Совершенно иное направленіе при-

няли масонскія увлеченія въ вѣкъ Екатерины II. Конечно, и въ это время было не мало людей, привлекаемыхъ къ масонскимъ ложамъ жаждой развлеченій, смотрѣвшихъ на масонскія собранія, какъ на своего рода замысловатый маскарадъ, или наивно заинтересованныхъ таинственностью масонскихъ установленій. Любое общественное движеніе, какъ бы оно ни было глубоко или возвышенно, обрекается на необходимость нести на своемъ хвостѣ прилипавшихъ къ нему паразитовъ. Но во главѣ и въ центрѣ масонскаго движенія въ царствованіе Екатерины II мы находимъ людей, томящихся по идеалу, одушевленныхъ искреннимъ стремленіемъ познать истину, людей, „взыскующихъ града“ и не способныхъ удовлетвориться пошлостью обыденнаго существованія. Передъ нами Елагинъ, уже участвовавшій въ масонскихъ ложахъ во времена Елизаветы, бросившій ихъ, какъ пустую забаву, и теперь вновь вступающій въ масонство только потому, что изъ бесѣды съ однимъ англичаниномъ онъ узналъ о серьезной сторонѣ масонскихъ исканій и стремленій. Передъ нами—Новиковъ, со слезами допрашивающій Рейхеля о томъ, какъ искать истиннаго масонства. Передъ нами—Кутузовъ, не желающій разстаться со своими масонскими книгами даже для того, чтобы продажею ихъ откупиться отъ кредиторовъ и тѣмъ спасти себя отъ берлинской тюрьмы. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что люди, привязанные къ масонству такими узами, видѣли въ увлеченіи масонствомъ смыслъ своей жизни и присоединялись къ масонству лишь потому, что оно было родственно глубочайшимъ запросамъ ихъ духовной природы.

Во времена Екатерины II русское масонство переживало эпоху усиленной борьбы разнообразныхъ направленій. То была чисто-идейная борьба, проистекавшая изъ настойчиваго исканія истины. Первоначально въ расположенныхъ къ масонству кругахъ русскаго общества распространилось такъ называемое англійское масонство, усиленно пропагандировавшееся Елагинымъ. То было масонство трехъ первыхъ „іоанновскихъ“ степеней, сводившееся къ проповѣди личной нравственности на основѣ самопознанія и самоусовершенствованія. Это была своего рода этическая система, первоначальные принципы которой были изложены еще въ „Конституціяхъ“ Андерсена. Затѣмъ на-ряду съ ложами елагинской системы въ Россіи появляются ложи, основанныя Рейхелемъ. То былъ первый шагъ нѣмецкаго масонства на русской почвѣ въ эпоху Екатерины. Сущность нѣмецкаго масонства состояла въ превращеніи масонскаго ученія изъ системы личной нравственности въ систему мистическаго познанія Бога, человѣка и природы. Три степени англійскаго масонства объявлялись низшими, подготовительными степенями. Истинное содержаніе масонскаго ученія полагалось въ исканіи „высшихъ“ степеней, которыя должны были дать человѣку возможность проникнуть

въ тайну божественной сущности, въ тайну истиннаго предназначенія человѣка, въ тайну мірозданія и силъ природы. Открытіе этихъ тайнъ должно было предоставить человѣку власть надъ силами природы. Мистика, каббалистика, алхимія,—вотъ что ожидало масона на „высшихъ ступеняхъ“ масонской мудрости. Эти мистическія исканія получали однако различныя отбѣйки и различныя формы выраженія въ отдѣльныхъ развѣтвленіяхъ континентальнаго масонства. Ученіе, принесенное въ Россію Рейхелемъ, представляло собой умѣренную форму континентальнаго масонства, такъ называемую „циннендорфскую систему“ или „систему слабаго наблюденія“. Здѣсь отвергались тѣ крайности „высшихъ степеней“, которыя приводили къ уродливымъ насиліямъ надъ здравымъ смысломъ, а съ другой стороны, порождали суетную борьбу честолюбій, принимавшую форму политическихъ происковъ, интригъ и авантуръ. Но все же, при всей этой умѣренности, циннендорфство рѣзко отличалось отъ добраго стараго англійскаго масонства, не знавашаго никакихъ мистическихъ тумановъ и сосредоточеннаго на проповѣди здоровой душевной гигиены. Направленія Елагина и Рейхеля оказались противоположными. Между ними началась борьба. Въ сущности въ этой идейной борьбѣ рѣшался одинъ основной вопросъ: въ чемъ должна состоять коренная цѣль масонскихъ исканій: въ нравственномъ самоусовершенствованіи человѣка или въ мистическомъ проникновеніи въ тайны божества, мірозданія и природы? Борьба кончилась тѣмъ, что Елагинъ капитулировалъ передъ Рейхелемъ. Обѣ системы соединились. Русскіе масоны сдѣлали рѣшительный шагъ отъ англійскаго масонства къ масонству континентальному.

Но этотъ шагъ не вносилъ еще успокоенія во взволнованныя души руководителей русскаго масонства. Побѣда Рейхеля надъ Елагинымъ представляется вполне естественной. Общество, почувствовавшее сладость умственной пытливости и тоскующее по возвышеннымъ идеаламъ, но въ то же время лишенное настоящей умственной культуры и въ сущности невѣжественное, всегда предпочтетъ манящіе призраки непонятныхъ тайнъ яснымъ и точно сформулированнымъ положеніямъ. Именно такихъ наивно преклоняющихся передъ непонятной премудростью полуневѣждъ въ сущности и представляли собою тогдашніе русскіе неофиты масонства. Обаятельность такихъ людей, какъ Елагинъ, Новиковъ, Кутузовъ, Лопухинъ, заключалась въ глубокой искренности ихъ душевныхъ порывовъ къ свѣту истины, въ неподдѣльной мучительности ихъ исканій, въ неспособности ихъ успокоиться на безыдейномъ существованіи. Эти черты придаютъ особую трогательность ихъ безпомощному преклоненію передъ непонятнымъ, ихъ наивной увѣренности въ томъ, что истина добывается не изъ ясности мысли, а изъ таинственной запутанности непроницаемыхъ въ своей загадочности формулъ и

символовъ. Этой-то потребности преклоненія передъ непонятнымъ континентальное масонство удовлетворяло въ гораздо большей степени, нежели англійское, и вотъ почему соперничество Елагина и Рейхеля кончилось въ пользу послѣдняго.

Но вѣдь это былъ лишь первый шагъ. Онъ предрѣшалъ лишь то общее направленіе, въ которомъ наиболѣе пытливые русскіе масоны отправятся въ поиски за истиной. Но вѣренъ ли данный именно путь въ избранномъ направленіи или возможенъ и другой, вѣрнѣйшій—вотъ вопросъ, не перестававшій волновать вождей русскаго масонства. Гдѣ искать истиннаго масонства? Надъ этимъ вопросомъ, мучительно страдающая и обливаясь слезами, билась лучшіе люди русскаго общества Екатерининской эпохи. Новиковъ, не будучи въ силахъ сдержать слезы, просить Рейхеля указать ему признаки, по которымъ можно было бы отличать истинное масонство отъ ложнаго. Рейхель, самъ волнуясь и плача, говорить, что вѣрнѣйшимъ признакомъ ложнаго масонства является наличность какихъ-либо политическихъ стремленій. Итакъ, истинный философъ долженъ быть чуждъ политикѣ. Указаніе, какъ нельзя болѣе опредѣленное, но могло ли оно удовлетворить тѣхъ, кто искалъ не только отрицательныхъ, но и положительныхъ признаковъ, кому важно было знать не только то, чѣмъ философія не должна быть, но и то, чѣмъ она быть должна?

Въ самый годъ объединенія елагинскихъ и рейхелевыхъ ложъ (1776 г.) Екатерина II послала въ Стокгольмъ кн. Куракина съ извѣщеніемъ о бракосочетаніи великаго князя Павла Петровича. Кн. Куракинъ былъ близокъ къ масонскимъ кругамъ, и вотъ русскіе масоны тотчасъ рѣшили воспользоваться его поѣздкой въ Швецію для того, чтобы при его посредствѣ добыть шведскіе масонскіе акты. Не въ Швеціи ли скрывается истинное масонство?—спрашивали они себя, мучимые сомнѣніями и жаждой познанія истины. Какъ трогательна эта рѣшимость искать истину во что бы ни стало, по всѣмъ странамъ и государствамъ, и какъ характерно-наивна эта увѣренность въ томъ, что предѣлы распространенія истины обуславливаются государственными границами, что на истину можно „наѣхать“, странствуя по различнымъ землямъ, словно на какой-то кладъ, зарытый въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ!

Расчеты на Швецію не оправдались. Къ тому времени, какъ русскіе масоны обратили на Швецію свои взоры, шведское масонство попало подъ власть одного изъ уродливѣйшихъ развѣтвленій нѣмецкаго масонства, такъ называемой системы „строгаго наблюденія“. Благодаря поѣздкѣ кн. Куракина, въ Россіи подъ главенствомъ кн. Гагарина возникли ложи, связанныя съ шведскимъ масонствомъ и принявшія систему „строгаго наблюденія“, а вскорѣ Россія была включена въ IX провин-

цію ордена, во главѣ которой стоялъ шведскій гроссмейстеръ герцогъ Эдерманландскій, и, такимъ образомъ, русскіе масоны попали въ формальную зависимость отъ Швеціи. Это вызвало глубокое недовольство среди лучшихъ русскихъ масоновъ, которые не находили никакого удовлетворенія въ системѣ „строгаго наблюденія“. Объясненіе этому недовольству находимъ въ письмѣ Новикова къ Ржевскому отъ 14 февраля 1783 г.

Въ этомъ письмѣ Новиковъ, рассказывая о томъ, какъ русскіе масоны порвали зависимость отъ Швеціи, даетъ слѣдующую характеристику особенностей шведскаго масонства: „щедро и вездѣ разсѣиваемыя понятія о малыхъ капитуляхъ, о иллюминированныхъ капитуляхъ, о братьяхъ фіолетовой ленты, о магистрахъ храма, о клерикатѣ, о призваніи духовъ и проч. и проч., всѣ сіи великія познанія и высокія понятія большею частью только весьма забавны и подобны забавамъ дѣтей, играющихъ Геркулесовымъ вооруженіемъ, почему и показались они сказаннымъ московскимъ братьямъ не только что страшными, но и чуждыми истиннаго ордена, а нѣкоторыя церемоніи и обряды, употребляемые въ сихъ блистательныхъ капитуляхъ, несмотря на прекрасную и привлекательную личину, показались имъ совершенно ложными и поддѣльными (не взирая ни на благовопное куреніе, которое не заглушало, однако жъ, нечистаго запаха и который имѣющіе тонкое обоняніе чувствовать могли, ни на священныя молитвы, которыми дерзали прикрывать пагубныя намѣренія), ибо думали они (какъ то и дѣйствительно послѣ того удостовѣрилось самымъ дѣломъ), что орденскія обязательства, не взирая на долженствующую быть въ орденѣ подчиненность въ разсужденіи познаній, всегда однако жъ должны остаются братскою зависимою, а не рабскою, что капитель малой или великой, иллюминированной или совсѣмъ просвѣщенной, долженствуетъ быть великимъ или просвѣщеннымъ не по числу 81 брата и не по великолѣпнымъ обрядамъ, но по архивѣ, какую онъ имѣетъ, по искусству въ орденскихъ познаніяхъ членовъ, которые его составляютъ, и по связямъ, съ кѣмъ оныя имѣютъ; что фіолетовая лента можетъ служить только знакомъ отличныхъ познаній, а не существомъ оныхъ; что магистры храма, кажется, должныствовали бы лучше сидѣть при гробѣ I., нежели при M.; что призваніе духовъ не что иное есть, какъ мерзость Ваалова или такъ называемая како-магія, проклинаемая на многихъ мѣстахъ Св. Писанія и пр. пр.“

По этой выразительной и ѣдкой характеристикѣ можно заключить, что утвердившаяся въ Швеціи система „строгаго наблюденія“ отталкивала отъ себя серьезныхъ послѣдователей масонства своей безодержательностью, исключительной приверженностью къ пустой внѣшней обрядности и символикѣ и суетнымъ стремленіемъ замѣнить братскій

характеръ масонскихъ отношеній деспотической властью. На основаніи отзывовъ Рейхеля, къ этому можно добавить еще и то, что руководители ложъ „строгаго наблюденія“ обнаруживали большую склонность къ политическимъ проискамъ.

Мы не знаемъ, у всѣхъ ли недовольныхъ подчиненіемъ русскаго масонства Швеціи недовольство это обусловливалось тѣми же мотивами, что и у Новикова. Но не подлежитъ сомнѣнію, что желаніе отложиться отъ Швеціи и сдѣлать Россію самостоятельной орденовской провинціей стало всеобщимъ среди русскихъ масоновъ.

Въ это время Новиковъ переселился изъ Петербурга въ Москву, снялъ тамъ въ аренду университетскую типографію и близко сошелся съ профессоромъ московскаго университета Шварцемъ. Около Новикова и Шварца сплотился тѣсный кружокъ людей, серьезно преданныхъ масонской идеѣ и жаждавшихъ познанія истиннаго масонства. То были Лопухинъ, кн. Трубецкой, Гамалѣя, Кутузовъ, И. П. Тургеневъ, Херасковъ, Ключаревъ и др. Позднѣе къ этому кружку на краткое время примкнулъ и Карамзинъ. Этотъ-то кружокъ и проявилъ энергичную дѣятельность съ цѣлью превращенія Россіи въ самостоятельную провинцію масонскаго ордена.

Въ 1781 г. въ Вильгельмсбадѣ собрался генеральный конвентъ масонскаго ордена. Москвичи отправили на этотъ конгрессъ въ качествѣ представителя отъ русскихъ масоновъ профессора Шварца. Шварцъ повезъ на конгрессъ прошеніе московскихъ масоновъ о признаніи Россіи самостоятельной провинціей ордена. Конгрессъ удовлетворилъ это прошеніе, и, такимъ образомъ, мечта русскихъ масоновъ была осуществлена: зависимость ихъ отъ Швеціи прекратилась. Но Шварцъ сдѣлалъ больше. Въ Берлинѣ онъ вступилъ въ составъ ордена „Злато-розоваго креста“ (розенкрейцеровъ) и, пріѣхавъ въ Москву, сообщилъ избранному кружку, сгруппировавшемуся около Новикова, эту важную тайну. Новиковъ отнесся съ большою осмотрительностью къ предложенію Шварца примкнуть къ розенкрейцерству и настойчиво выспрашивалъ, не заключается ли въ этомъ орднѣ чего-либо предосудительнаго и въ особенности не кроется ли въ немъ какихъ-нибудь политическихъ замысловъ. Повидимому, увѣренія Шварца Новиковъ нашелъ достаточно успокоительными, и вопросъ о присоединеніи къ розенкрейцерству избраннаго кружка московскихъ масоновъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Москвичи ликовали вдвойнѣ: они сбросили съ себя иго Швеціи и обрѣли истинное масонство, ставъ розенкрейцерами!

Почему же розенкрейцерство показалось имъ истиннымъ масонствомъ?

Розенкрейцерство не останавливалось на трехъ первоначальныхъ

степеняхъ, оно не ограничивалось нравственнымъ ученіемъ и сулило своимъ послѣдователямъ восхожденіе на высшія степенн, то-есть проникновеніе въ тайны Бога и природы, господство надъ природными стихіями и всѣми духами. Превращеніе металловъ въ золото, изготовленіе универсальныхъ лѣкарствъ, непосредственныя сношенія съ Богомъ, какія были у Моисея на Синаѣ, лично и черезъ ангеловъ, даже власть измѣнять порядокъ мірозданія,—все это входило въ кругъ могущества розенкрейцеровъ при достиженіи высшихъ степеней. Словомъ, розенкрейцерскій орденъ объявлялъ себя обладателемъ ключей ко всѣмъ тайнамъ міра, къ совершеннѣйшему познанію истины. А вѣдь желаніе познать истину и убѣжденіе въ томъ, что это можно сдѣлать путемъ непосредственнаго откровенія, какъ разъ и составляло самое существо мечтательныхъ стремленій масоновъ. Отчего же было и не признать розенкрейцерство истиннымъ масонствомъ, разъ вожди розенкрейцерства такъ смѣло и рѣшительно общались своимъ послѣдователямъ раскрытіе всѣхъ тайнъ бытія?

По дошедшимъ до насъ, правда, отрывочнымъ и довольно глухимъ намекамъ можно предполагать, что въ тѣсномъ кружкѣ московскихъ розенкрейцеровъ не было полнаго идейнаго единенія. Повидимому, спорнымъ пунктомъ среди нихъ служилъ какъ разъ вопросъ о томъ, какъ относиться къ мистической магіи розенкрейцерства. Какія-то недоразумѣнія на этой почвѣ возникали между Новиковымъ и Шварцемъ. Мы уже знаемъ, что Новиковъ вообще относился скептически къ магическимъ кунштшюкамъ, и замѣчательно, что въ своей типографіи Новиковъ не печаталъ магическихъ и алхимическихъ трактатовъ, предпочитая книги религіозно-нравственнаго содержанія. Алхимическіе трактаты печатались въ типографіи Лопухина и въ тайной типографіи Шварца. Есть намеки на то, что и самъ Шварцъ передъ смертью разочаровался въ розенкрейцерствѣ. Впрочемъ, это извѣстіе исходитъ изъ ненадежнаго источника. По смерти Шварца различія стремленій въ средѣ московскихъ розенкрейцеровъ, кажется, обозначились еще опредѣленнѣе. Новиковъ уходилъ съ головой въ просвѣтительно-книгоиздательскую и филантропическую дѣятельность и раскидывалъ эту дѣятельность съ такой для своего времени широтой и смѣлостью, что она начинала приобрѣтать характеръ выдающагося общественнаго движенія. Среди этихъ кипучихъ общественныхъ начинаній ему было не до алхиміи и магіи, которую онъ предпочиталъ называть „како-магіей“. Уединеннымъ опытамъ въ алхимическихъ лабораторіяхъ онъ предпочиталъ широкую работу по религіозному просвѣщенію общественныхъ массъ. Между тѣмъ, Лопухинъ, Трубецкой и Кутузовъ живо интересовались алхимической „наукой“ розенкрейцеровъ, мечтали о достиженіи пресловутыхъ „высшихъ степеней“ и съ этою цѣлью на средства Лопу-

хина и Трубецкого Кутузовъ былъ отправленъ въ Берлинъ для алхимическихъ работъ у самаго источника розенкрейцерской премудрости.

Трудно сказать, такимъ образомъ, какъ сложилась бы дальнѣйшая внутренняя жизнь московскаго розенкрейцерскаго кружка, если бы она была предоставлена свободному и безпрепятственному своему теченію. Очень можетъ быть, что кружокъ этотъ либо раздѣлился бы и члены его разошлись бы по разнымъ дорогамъ, либо во всемъ своемъ составѣ онъ пережилъ бы новую идейную эволюцію и, преодолевъ увлеченіе розенкрейцерствомъ, пустился бы въ новые поиски за „истиннымъ масонствомъ“.

Во всякомъ случаѣ важно отмѣтить, что всѣ члены московскаго розенкрейцерскаго кружка производятъ впечатлѣніе не фанатиковъ опредѣленной застывшей догмы, но тревожныхъ искателей истины, всегда одушевленныхъ искренними порывами къ усовершенствованію своихъ познаній и своихъ нравственныхъ идеаловъ. Эта искренность стремленій располагаетъ въ ихъ пользу, въ какія бы грубыя и жалкія заблужденія ни впадали они на пути своихъ исканій.

Однако, прежде чѣмъ московскій розенкрейцерскій кружокъ успѣлъ разобраться въ своихъ исканіяхъ и какъ слѣдуетъ присмотрѣться къ своимъ берлинскимъ руководителямъ,—что это были за руководители, объ этомъ мы скажемъ ниже,—онъ подвергся полному разгрому по повелѣнію Екатерины II, давно уже точившей оружіе противъ ненавистныхъ ей мартинистовъ. Какими соображеніями руководилась при этомъ Екатерина—пугало ли ее развитіе общественной инициативы, такъ ярко сказывавшейся въ просвѣтительныхъ и филантропическихъ начинаніяхъ Новикова, страшилась ли она связей русскихъ масоновъ съ наслѣдникомъ престола Павломъ Петровичемъ, опасалась ли она нѣмецкой политической интриги за спиной московскихъ розенкрейцеровъ, какъ, по видимому, склоненъ думать авторъ предисловія къ академическому сборнику Я. Л. Барсковъ,—мы здѣсь этого вопроса разбирать не будемъ. Для насъ важно лишь подчеркнуть, что розенкрейцерскій кружокъ былъ разоренъ и уничтоженъ Екатериной въ такой моментъ его существованія, когда члены его находились лишь въ началѣ своихъ идейныхъ исканій. Кутузовъ былъ отправленъ въ Берлинъ на рекогносцировку для личнаго ознакомленія съ „тайнами“ берлинскихъ розенкрейцеровъ; чѣмъ кончилась бы эта рекогносцировка, мы такъ и не знаемъ; что же касается Новикова, то онъ, и безъ всякой рекогносцировки, довольно холодно относился къ алхимическимъ фокусамъ и мистическимъ пророчаніямъ. Конечно, и Новиковъ былъ мистикомъ, но его мистицизмъ носилъ своеобразный характеръ: его манило къ себѣ не столько проникновеніе въ тайны вещества посредствомъ истолкованія іероглифическихъ формулъ и алхимическихъ опытовъ, сколько проникновеніе въ тайны

народной души посредствомъ религіозно-нравственныхъ размышленій и бодрой всенародной духовной работы.

Таковы были обстоятельства возникновенія и гибели московскаго розенкрейцерскаго кружка. Посмотримъ теперь, при какихъ условіяхъ—внѣшнихъ и внутреннихъ—протекала его дѣятельность.

II.

Исторія московскаго розенкрейцерскаго кружка преисполнена трагизма. Говоря такъ, я разумѣю не только страданія, перенесенныя Новиковымъ, и тяжелыя непріятности, испытанныя его друзьями, отъ обрушившихся на нихъ правительственныхъ каръ. Я разумѣю также и нѣчто иное.

Исторію московскихъ розенкрейцеровъ по справедливости можно назвать *трагедіей роковыхъ недоразумѣній*. Недоразумѣніе лежало въ основѣ отношенія къ нимъ ихъ враговъ; недоразумѣніе лежало въ основѣ отношенія ихъ самихъ къ ихъ вождямъ; недоразумѣніе составляло сущность ихъ собственныхъ идейныхъ стремленій. Трагично терпѣть преслѣдованіе за свои благородныя убѣжденія и лишиться возможности свободно осуществлять дѣло своей жизни. Но есть нѣчто и еще болѣе трагичное. Когда васъ виняютъ именно въ томъ, противъ чего вы сами всѣми силами души ведете борьбу; когда въ одушевленныхъ поискахъ за истиной вы, не подозрѣвая того, все время гоняетесь за ея обманчивыми призраками; наконецъ, когда ваши духовные руководители толкаютъ васъ въ ту самую бездну, отъ которой вы хотите спастись подъ ихъ руководствомъ,—вотъ тогда разворачивается настоящая трагедія, наполовину бессознательная, но тѣмъ въ большей степени жестокая по своимъ послѣдствіямъ и результатамъ.

Такова именно была участь московскихъ розенкрейцеровъ. Переберемъ поочередно каждое изъ отмѣченныхъ выше трехъ недоразумѣній, сплетеніе которыхъ предопредѣлило судьбу московскихъ „братьевъ злато-розоваго креста“.

Еще раньше того, какъ Екатерина разгромила московское масонское гнѣздо, надъ масонствомъ произвела свой судъ широкая общественная молва. Каковъ же былъ этотъ приговоръ толпы?

Деревенскіе сосѣди Евгенія Онѣгина обзывали его „франмазономъ“ за то, что онъ не признаетъ разнообразныхъ напитоковъ и „пьеть одно стаканомъ красное вино“ и „къ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ“. Пушкинъ указалъ здѣсь съ необычайной мѣткостью на основную черту отношенія къ масонамъ обывательской массы. Для обывателя масонъ былъ просто-напросто человѣкъ, дерзко нарушающій тѣ общепринятые правила жизни, изъ которыхъ слагается обывательская пошлость. Насколько близокъ къ правдѣ былъ Пушкинъ, показываетъ масонская переписка.

Лопухинъ въ письмѣ къ Кутузову отъ 7 ноября 1790 г., жалуясь на враждебность общества къ масонамъ, говоритъ: „какая же вывѣска, что не мартинистъ? Это я собою испыталъ. Прошлаго года случилось мнѣ въ одной веселыхъ пріятелей бесѣдѣ много пить и нѣсколько подпить; такъ одинъ изъ нихъ (люди же были не безъ знати въ публикѣ) говоритъ съ великою радостію, какъ бы городъ взялъ: „какой ты мартинистъ, ты нашъ!“ Я согласился. „Правда, говорю, вздохнувъ про себя, особливо на сейчасъ“. Въ письмѣ Кутузова къ кн. Трубецкому отъ 1 марта 1791 г. читаемъ: „отрицай Бога, обманывай искусно, шути остроумно, разорйяй своего ближняго, клеветщи и злословь, совращай юныхъ безопытныхъ дѣвицъ—и будешь въ глазахъ ихъ добрымъ и безопаснымъ гражданиномъ; но воздерживайся отъ всѣхъ сихъ модныхъ качествъ, и неотмѣнно заслужишь имя мартиниста или преопаснѣйшаго человѣка въ обществѣ“. Какъ не вспомнить при этомъ то мѣсто изъ Салтыкова-Щедрина, гдѣ сатирикъ утверждаетъ, что у насъ всего лучше можно закрѣпить за собой репутацію благонадежнаго человѣка, совершивъ три вещи: поддѣлавъ документъ, растливъ дѣвицу и похитивъ общественныя деньги. Законы пошлости одинаковы во всѣ времена!

Достаточно хотъ въ чемъ-нибудь возвыситься надъ уровнемъ этой пошлости, чтобы сидящіе въ ней по уши благодушествующіе коптители неба осыпали такого смѣльчака всевозможными обвиненіями, какъ отверженца общества. Масоны полагали, что для того, чтобы вести жизнь порядочнаго человѣка, недостаточно выполнять изо дня въ день весь положенный житейскій ритуаль, но необходимо давать волю высшимъ запросамъ души, доискиваться смысла жизни, строить свое существованіе согласно опредѣленнымъ нравственнымъ идеаламъ. Вотъ и готова почва для обвиненій въ дерзкомъ чудачествѣ, нарушающемъ правила свѣта и, слѣдовательно, свойственномъ однимъ только врагамъ общественного порядка.

Масоновъ обзывали развратниками, безбожниками, преступниками, совершенно независимо отъ содержанія ихъ взглядовъ и стремленій, до которыхъ обывательской массѣ не было никакого дѣла, а просто по тому, что масоны жили не такъ, какъ всѣ, и осмѣльвались предъявлять къ жизни какіе-то высprenніе запросы. Въ этомъ отношеніи обывательская толпа ставила за одну скобку и масоновъ и злѣйшихъ ихъ идейныхъ противниковъ—вольтерьянцевъ. Общая вина тѣхъ и другихъ передъ заурядной толпой состояла въ томъ, что и масоны, и вольтерьянцы позволяли себѣ критически относиться къ накопленной вѣками обыденной житейской мудрости. Потому тѣхъ и другихъ одинаково провозгласили бунтовщиками противъ религіи, нравственности и общественного порядка. Такимъ образомъ, масоны попадали на судъ общественного мнѣнія въ истинно-трагическое положеніе. Масоны метали громы на вольтерьян-

цевъ, обвиняя ихъ въ безбожіи и безнравственности. Волтерьянцы вышучивали масоновъ за ихъ туманныя мистическія бредни, за ихъ вѣру въ магію и алхімію. ¹⁾ А толпа не хотѣла ничего знать объ этихъ взаимныхъ пререканіяхъ масоновъ и волтерьянцевъ. Для толпы ясно было одно: что и масоны и волтерьянцы умничаютъ и заносятся, не желая жить, не мудрствуя лукаво, какъ жили отцы и дѣды; значить, все это—одна шайка, которую всего лучше истребить ради собственнаго спокойствія. Доморощенный рецептъ скорога и безошибочнаго суда гласилъ: „обонхъ выслушай, да обонхъ и накажи“. По отношенію къ масонамъ и волтерьянцамъ толпа готова была наказать обоихъ, даже и не выслушавъ никого изъ нихъ. И вотъ, въ представленіи тѣхъ, чьи уста изрекають приговоры общественнаго мнѣнія, понятія „масонъ“ и „волтерьянецъ“, оказывались синонимическими. Блудова, тетка Державина, предостерегала племянника отъ масоновъ, появившихся въ Москвѣ, называя ихъ: „отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу“, и утверждала, что они съ помощью нечистой силы „за нѣсколько тысячъ верстъ непріятелей своихъ умерщвляютъ“. Въ ходившемъ тогда по рукамъ стихотвореніи, называвшемся: „Изъясненіе нѣсколько извѣстнаго проклятаго сборища франкъ-масонскихъ дѣлъ“, говорилось:

„Проявились недавно въ Руссиіи франкъ-масоны
И творять почти явно демонски законы,
Нудятся коварно плестъ различны манеры,
Чтобъ къ антихристу привести отъ Христовы вѣры“.

Борьбу съ атеизмомъ масоны считали одной изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ. Говоря о французской революціи, Кутузовъ восклицалъ: „дай Боже, чтобы сей плачевный примѣръ открылъ глаза монархамъ и показалъ бы имъ ясно, что христіанская религія есть единственное основаніе народнаго благосостоянія и ихъ собственной законной власти“. Считая просвѣтительную философію источникомъ нечестія и атеизма, масоны ставили за одну скобку „и Вольтера, и Гельвеція и имъ подобныхъ“ (письма Кутузова Плещееву, 1792 г., мартъ и 7 апрѣля). А обывательская масса ихъ самихъ ставила за одну скобку съ волтерьянцами и безбожниками, считая, что они творять „демонски законы“ и готовятъ царство антихриста.

¹⁾ Мартинистъ Лопухинъ писалъ: „я думаю, что сочиненія Вольтеровъ, Дидеротовъ, Гельвеціевъ и всѣхъ антихристіанскихъ вольнодумцевъ много способствовали къ нынѣшнему юрдетствованію Франціи“. Мартинистъ Кутузовъ называлъ „произведенія Вольтера, Гельвеція и имъ подобныхъ“ „истиннымъ ядомъ, пожирающимъ жизненные соки всякаго порядка и подчиненности“. А Вольтеръ писалъ про книгу Севъ-Мартена: „не думаю, чтобы когда-либо было напечатано что-либо болѣе абсурдное, темное, сумасшедшее и глупое, чѣмъ эта книга“.

Если непросвѣщенная толпа взваливала на масоновъ обвиненіе въ безбожіи, то просвѣщенная Екатерина II предъявила имъ обвиненіе въ „иллюминатствѣ“, т.-е. въ стремленіи къ ниспроверженію государственнаго порядка. Смѣшать „мартинистовъ“ и „розенкрейцеровъ“ съ иллюминатами было такой же грубой ошибкой, какъ и называть ихъ безбожниками.

Разница была лишь въ томъ, что толпа въ своей оцѣнкѣ масоновъ являлась жертвой добросовѣстнаго заблужденія, тогда какъ Екатерина, прекрасно освѣдомленная посредствомъ перлюстраціи о содержаніи масонской переписки, явно вступала въ данномъ случаѣ на путь злостной клеветы. Екатерина не могла не знать, что московскіе розенкрейцеры получили отъ своихъ берлинскихъ начальниковъ специальное предписаніе остерегаться сношеній съ иллюминатами и избѣгать ихъ, какъ опаснѣйшихъ политическихъ возмутителей. Екатерина видѣла перехваченныя полиціею письма московскихъ розенкрейцеровъ, въ которыхъ московскіе масоны совершенно опредѣленно выражали свое отвращеніе отъ иллюминатства. Такъ, напримѣръ, Кутузовъ писалъ кн. Трубецкому: (письмо отъ 5 апрѣля 1792 г.): „по многимъ обстоятельствамъ заключаю я и весьма вѣроятно, что въ семь заговорѣ противу святости и порядка (рѣчь идетъ о французской революціи) не послѣднюю роль играютъ господа иллюминаты, которыхъ, какъ я знаю, и въ нашемъ отечествѣ есть не мало. Блудитесь друзья мои отъ сихъ изверговъ и употребите всѣ ваши способности къ обнаруженію ихъ... убѣгайте ихъ, какъ язвы“.

Въ той же перепискѣ московскихъ розенкрейцеровъ многократно и чрезвычайно энергично выражалось отвращеніе ихъ не только специально отъ иллюминатства, но и вообще отъ всякихъ нападковъ на существующія государственныя учрежденія. Розенкрейцеры послѣдовательно заявляли себя противниками какой бы то ни было политической борьбы. „Истинный свободный каменщикъ, истинный христіанинъ,—писалъ тотъ же Кутузовъ,—долженъ быть непримиримымъ врагомъ всякаго возмущенія противу законныя власти и общественнаго блага“. И эта мысль повторяется на всѣ лады въ письмахъ всѣхъ розенкрейцеровъ, служить однимъ изъ лейтмотивовъ ихъ переписки. „Смѣло можно сказать,—говорить Кутузовъ въ другомъ письмѣ,—что изъ среды насъ не выдетъ никогда Мирабо и ему подобныя чудовища; христіанинъ и возмутитель противъ власти, отъ Бога установленныя, есть совершенное противорѣчіе!“

Въ 1790 г. произошло событіе, подавшее московскимъ розенкрейцерамъ особенный поводъ опредѣленно выразить свое отношеніе къ политическому вольномыслию. Въ іюнь 1790 г. стряслась катастрофа надъ Радищевымъ и его книгой „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“.

Радищевъ находился въ тѣсной дружбѣ съ Кутузовымъ. По своимъ убѣжденіямъ эти два друга разошлись въ совершенно противоположныя стороны, и въ идейномъ расхожденіи этихъ двухъ связанныхъ узами дружбы русскихъ интеллигентовъ XVIII ст. можно видѣть какъ бы олицетворенный прообразъ всего послѣдующаго раздвоенія русской интеллигентской культурной традиціи: Радищевъ сталъ провозвѣстникомъ русскаго политическаго радикализма; Кутузовъ явился глашатаемъ мистическаго аполитизма. Тѣмъ не менѣе Радищевъ, отдавая дань дружбѣ, посвятилъ свою книгу именно Кутузову и въ посвященіи написалъ: „хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно и ты—мой другъ!“¹⁾

Этотъ идейный конфликтъ тѣмъ именно и получалъ особую остроту въ глазахъ его участниковъ, что разыгрывался онъ въ средѣ людей, первоначально выступившихъ рука объ руку на поприще духовныхъ исканій. Естественно, что у розенкрейцеровъ явилась потребность опредѣлить свое отношеніе къ разномыслию ихъ съ Радищевымъ, и въ своей перепискѣ они постоянно возвращались къ этому вопросу. И вотъ, всѣ ихъ разсужденія въ этомъ случаѣ неизмѣнно сводились къ самому рѣшительному осужденію политическаго вольнодумства.

1 августа 1790 г. кн. Трубецкой писалъ Кутузову: „посвятившій нѣкогда тебѣ книгу и учившійся съ тобою въ Лейпцигѣ находится подъ судомъ за дерзновенное сочиненіе, которое, сказываютъ, такого рода, что стоитъ публичнаго и самаго строгаго наказанія. Вотъ мой другъ, вѣтренная его и гордая голова куда завела, и вотъ слѣдствіе обыкновенное быстраго разума, не основаннаго на христіанскихъ правилахъ... по всему, мною слышанному, онъ точно достоинъ участи, ему угрожающей, почему и огорчаться о немъ ты не долженъ, но вздохнуть только къ Управляющему всѣмъ, да содѣлаетъ Онъ наказаніе, ему угрожающее, средствомъ ко обращенію его на познаніе его мерзостей и на покаяніе объ оныхъ“. 26 августа Трубецкой въ письмѣ къ тому же Кутузову выражается еще рѣшительнѣе: „хотя я не читалъ его (т.-е. Радищева) книги, но слышалъ объ ней отъ такихъ людей, которымъ я вѣрю, что она такого рода, что во всякомъ бы мѣстѣ Европы авторъ подвергся публичному наказанію и что она имѣетъ основаніемъ своимъ проклятый нынѣшній духъ французовъ и въ ней изблеваны всякія мерзости... я увѣренъ, что и ты, бывъ его судьей, не поколебался бы его осудить достойному наказанію за его мерзкое и дерзкое дѣло“. Допушинъ, высказывая такую же точку зрѣнія на произведеніе Радищева, прибавлялъ: „я думаю не содѣлалъ бы онъ сего, ежели бы онъ былъ

¹⁾ Нельзя воздержаться отъ искушенія сопоставить признаніе Радищева съ извѣстными словами Герцена о западникахъ и славянофилахъ: „мы, какъ Янусъ или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, но сердце въ насъ билось одно“.

тѣмъ, что называютъ здѣсь мартинистомъ“. Также отрицательно отнесся къ политическому радикализму Радищева и другъ его Кутузовъ: „вы знаете мои правила,—писалъ Кутузовъ кн. Трубецкому,—извѣстно вамъ, что я великій врагъ всякаго возмущенія и что я никогда не престану твердить, что критика настоящаго правленія есть не дозвольтельное дѣло и ни мало не принадлежитъ къ литературѣ“. Въ другомъ письмѣ Кутузовъ заявлялъ: „большую часть его положеній касательно религiи и государственнаго правленія нашелъ я совершенно противоположно моею системѣ. Наипаче не нравилось мнѣ, что коснулся онъ нѣкоторыхъ пунктовъ, которые, по моему мнѣнiю, не подлежатъ литературѣ“.

Конечно, Екатерина могла съ достаточнымъ основанiемъ предполагать, что дояльнiя политическiя заявленiя дѣлались розенкрейцерами въ расчетъ именно на перлюстрацiю ихъ писемъ. Розенкрейцеры дѣйствительно знали, что ихъ письма перехватываются и служатъ предметомъ полицейскаго наблюденiя. Кутузовъ въ одномъ письмѣ говоритъ прямо: „я не смѣю говорить откровенно, ибо письма подвержены любопытству подлецовъ, жаждущихъ читать оныя; нѣтъ еще у насъ святаго закона, установленнаго нынѣ во Францiи: министръ, обличенный, что онъ повелѣлъ распечатывать письма, наказывается сосланiемъ на галеры, а исполняющiе его приказанiе осуждаются къ столбу“ (письмо отъ 12 апрѣля 1791 г.). Кн. Трубецкой отвѣчалъ на это (письмо отъ 26 мая 1791 г.): „боюсь, чтобъ и болѣе писемъ не пропало и сiе меня чрезвычайно тревожитъ, не для того, чтобы я боялся чтенiя нашей переписки, нѣтъ, чистота оной насъ охраняетъ отъ всякой опасности, но я боюсь, чтобы читающiе, поправъ ногами находящiяся иногда въ нихъ истины, не погрѣшили вновь противъ той истины, которая по законамъ вѣчныхъ правды наказуетъ попирающихъ ее. А впрочемъ, пусть нашу переписку читаютъ. Мы съ тобою, мой другъ, въ политическiя дѣла государей и государствъ не входимъ и, вѣдая, что всякая власть есть отъ Бога, мы повинемся оной безъ топтанiя“.

Памятуя о перлюстрацiи, розенкрейцеры, вѣроятно, именно „ради страха полицейска“ участвовали въ своихъ письмахъ заявленiя о своей политической дояльности и, можетъ быть, съ тѣмъ же умысломъ нѣсколько усиливали выраженiя въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ своихъ писемъ. Но по существу дѣла они при этомъ нисколько душой не кривили, ибо ихъ убѣжденiя и дѣйствительно были далеки отъ политическаго вольномыслия. И Екатерина не могла этого не знать. Она не могла не знать, что покорность существующему государственному порядку провозглашалась обязательной въ основныхъ статутахъ и руководящихъ трактатахъ московскаго розенкрейцерства. Въ „Теоретическомъ градусѣ“, привезенномъ Шварцемъ изъ Берлина для московскихъ розенкрей-

церовъ, прямо говорилось: „каждый сочленъ сего собранія долженъ быть вѣрнымъ подданнымъ своему государю, охотно покоряющимся своему начальству, миролюбивымъ гражданиномъ, или обывателемъ въ мѣстѣ пребыванія своего, миротворцемъ въ спорахъ и учредителемъ (основателемъ) спокойствія и единогласія; онъ долженъ крайне блюстися, дабы ни въ какія государству вредныя возмущенія вмѣшанъ не былъ и, сего ради, такъ какъ и вообще соблюдаемое, всегда безпорочное поведеніе, сіе сообщество во всякое время отъ царей, князей и государствъ защиту получало“. Въ „Духовномъ рыцарѣ“ Лопухина читаемъ: „непоколебимая вѣрность и покорность къ своему государю, съ особливкою обязанностію сохранять престоль его, не только по долгу общей вѣрноподаннымъ присяги, но и всѣми силами стремлясь избрѣтати и употреблять всякія къ тому благія и разумныя средства; и такимъ же образомъ стараясь отвращать и предупреждать все оному противное тайно и явно, наипаче въ настоящія времена адскаго буйства и волненія противу властей державныхъ“—вотъ одна изъ обязанностей духовнаго рыцаря; далѣе къ его обязанностямъ отнесены: „совершенное повиновеніе учрежденнымъ въ правительствѣ начальствамъ и примѣрное наблюденіе законовъ государственныхъ“. Духовные рыцари должны также „совокупными силами и каждому особо, сколько можно, противоборствовать буйственной и пагубной системѣ мнимыя вольности равенства и стараться искоренять ее всѣми искусными средствами дѣйствій разума и всякими возможными путями добрыми“. ¹⁾

Эти цитаты болѣе чѣмъ достаточны для того, чтобы убѣдиться, насколько произвольно было приписывать московскимъ розенкрейцерамъ вольнолюбивыя политическія стремленія. Изъ этихъ цитатъ совершенно ясно, что между розенкрейцерами и такими политическими радикалами, какъ Радищевъ, дѣйствительно лежала цѣлая пропасть. И если Екатерина старалась во что бы ни стало изобразить розенкрейцеровъ политическими заговорщиками, то дѣлалось это лишь для того, чтобы общественной массѣ стали понятны тяжкія правительственныя кары, обрушенныя на Новикова и его друзей. Чѣмъ были вызваны въ дѣйствительности эти кары со стороны Екатерины, еще не выяснено съ полной отчетливостію. Тутъ могли играть свою роль и желаніе пресѣчь развитіе общественной самодѣятельности, сказавшейся въ предпріятіяхъ Новикова, и въ еще большей мѣрѣ подозрѣнія, возбужденныя въ Екатеринѣ сношеніями новиковскаго кружка съ Павломъ Петровичемъ,—сношеніями, которыя при свѣтѣ обнародованныхъ теперь документовъ оказываются совершенно невинными.

¹⁾ Цитирую по Ешевскому: „Сочиненія по русской исторіи“. М., 1900 г., стр. 176, 241.

Но одно несомнѣнно: для обвиненія московскихъ розенкрейцеровъ въ желаніи подкопаться подъ существующій государственный строй не было и не могло быть никакихъ основаній. Екатерина въ этомъ случаѣ поступила съ Новиковымъ и его друзьями по тому же рецепту, которому пытался слѣдовать Ростопчинъ въ 1812 г. по отношенію къ остаткамъ новиковскаго кружка: лояльнѣйшіе подданные умышленно были объявлены измѣнниками и мятежниками ради оправданія въ глазахъ толпы репрессивной дѣятельности правительства.

Таковъ былъ одинъ изъ элементовъ трагедіи московскихъ розенкрейцеровъ. Они попали подъ перекрестный огонь одинаково не обоснованныхъ и несправедливыхъ обвиненій. Толпа обвиняла этихъ религиозныхъ мистиковъ въ безбожіи. Императрица осудила этихъ принципиальныхъ отрицателей политическихъ возмущеній въ бунтовщическихъ стремленіяхъ. Но этимъ еще не исчерпывался весь трагизмъ ихъ положенія.

III.

Отшатнувшись отъ „системы строгаго наблюденія“, которую они нашли въ Швеціи, московскіе масоны попали въ объятія розенкрейцерства. Въ этомъ и состоялъ другой элементъ трагичности ихъ положенія. И эта трагедія была въ сущности тяжелѣе той, о которой мы говорили выше. Тамъ все сводилось къ роковому для московскихъ розенкрейцеровъ стеченію внѣшнихъ обстоятельствъ; здѣсь безвыходность положенія создавалась самымъ существомъ ихъ собственной природы, основнымъ характеромъ всего строя ихъ мышленія. Какъ видно изъ письма Новикова къ Ржевскому и изъ бесѣды Новикова съ Рейхелемъ, московскіе масоны отвернулись отъ системы строгаго наблюденія по двумъ причинамъ: имъ не нравилось: 1) увлеченіе политическими дѣлами, свойственное этой системѣ, и 2) „какомагія“, процвѣтавшая въ ней, т.-е. разные магическіе кунштюки вродѣ вызыванія духовъ и проч. То и другое представлялось московскимъ масонамъ отклоненіемъ отъ чистаго пути къ познанію истины. Они рѣшили порвать связи съ системой строгаго наблюденія и продолжать исканіе истиннаго масонства. И вотъ, они попадаютъ изъ огня да въ полымя. Въ розенкрейцерствѣ скрывалось самое беззащитнѣе политиканство и самое безудержное увлеченіе алхимическими и магическими фокусами.

Почему же такъ случилось? Была ли это случайная ошибка со стороны московскихъ масоновъ? Или москвичи попались на удочку ложныхъ увѣреній со стороны берлинскихъ проповѣдниковъ розенкрейцерства? Черѣдко такъ именно и объясняютъ ходъ этого дѣла. Я склоненъ думать иначе. Мнѣ представляется, что всѣмъ строимъ своего міропониманія масоны были обречены на безвыходное вращеніе въ кругѣ

тѣхъ самыхъ искаженій здраваго смысла, которыхъ они сами старались избѣгнуть. Отпатываясь отъ этихъ искаженій въ одной ихъ формѣ, масоны неизбѣжно опять наталкивались на нихъ же въ какой-либо иной, иногда еще худшей формѣ. „Строгое наблюденіе“ замѣнялось розенкрейцерствомъ, и это было роковымъ, неотвратимымъ послѣдствіемъ кореннаго порока всей ихъ философіи. Стремясь со всей искренностью къ истинѣ, они были обречены на то, чтобы гоняться лишь за ея тѣнью. Вотъ настоящая, не внѣшняя, а внутренняя трагедія!

О политикѣ буду говорить послѣ, сначала остановимся на магіи. Въ „строгомъ наблюденіи“ москвичей коробила „како-магія“, состоявшая въ вызываніи духовъ и т. п. Но берлинскіе розенкрейцеры какъ разъ доходили до геркулесовыхъ столбовъ въ магическихъ фокусахъ. Они утверждали, что обладаютъ возможностью любой металлъ превращать въ золото и на-лету ловить ядро послѣ выстрѣла изъ пушки. Завладѣвъ довѣріемъ прусскаго кронпринца, берлинскіе розенкрейцеры вызывали передъ нимъ духовъ Марка Аврелія, Лейбница и великаго курфюрста. Розенкрейцеры утверждали, что ихъ маги на высшихъ ступеняхъ обладаютъ всевѣдѣніемъ и всемогуществомъ.

Иногда высказывается мнѣніе, что весь этотъ алхимическій и магическій вздоръ прошелъ мимо московскихъ розенкрейцеровъ, которые имъ не интересовались и были привлечены къ розенкрейцерству совѣмъ другими элементами этого ученія. Однако факты говорятъ иное. Москвичи переводили и издавали такія книги, какъ „Хризомандеръ“, „Химическая псалтырь“ и др., которыя были наполнены алхимическими бреднями. Изъ черновыхъ бумагъ И. П. Тургенева видно, что онъ увлекался алхиміей.¹⁾

Розенкрейцеры распредѣлялись по девяти степенямъ, или „градусамъ“. Къ первой степени принадлежали „ученики“, получавшіе свѣдѣнія о четырехъ элементахъ и алхимическіе знаки; ко второй степени принадлежали „теоретики“, которые узнавали теорію алхиміи и ея основныя принципы, получали свѣдѣнія объ „огненныхъ духахъ воды, земли, воздуха и небесныхъ тѣлъ“, о болѣзняхъ человѣка и о свойствахъ металловъ. Посвященные въ третью степень—„практики“—узнавали способы приготовленія минеральнаго, растительнаго и животнаго Radical-Menstrui. Къ четвертой степени принадлежали „философусы“, работавшіе надъ серебромъ и узнававшіе каббалистическій смыслъ числа 4. Въ пятомъ градусѣ получали даръ радикальнаго излѣченія болѣзней; въ шестомъ—дѣлали золото; въ седьмомъ—знакомились съ камнемъ мудрости, каббалой и натуральной магіей; восьмой градусъ давалъ

¹⁾ Тарасовъ. Масонъ И. П. Тургеневъ, *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.*, 1914 г., ноябрь.

знаніе трехъ главныхъ наукъ; посвященный въ девятый градусъ зналъ все и являлся господиномъ надо всѣмъ, подобно Моисею, Аарону, Гермесу и т. п. ¹⁾

Правда, московскіе розенкрейцеры не были посвящены выше четвертаго градуса, но это не значитъ, чтобы высшая алхимическая премудрость не манила ихъ къ себѣ, чтобы они не вѣрили въ ея возможность и не придавали ей значенія. Напротивъ, они мечтали проникнуть въ тайны высшихъ степеней, и вѣдь какъ разъ съ этой именно цѣлью Кутузовъ былъ отправленъ въ Берлинъ. По нѣкоторымъ даннымъ можно полагать, что онъ достигъ посвященія въ пятый градусъ. Его письма къ друзьямъ изъ Берлина содержать рядъ намековъ на его алхимическія работы, требовавшія матеріальныхъ затратъ.

Правда, Новиковъ относился скептически къ алхимическимъ и магическимъ бреднямъ. Массонство привлекало его къ себѣ возвышенностью своего идейнаго содержанія. Начало уваженія къ человѣческому достоинству, призывы къ нравственному совершенствованію, начало религіозной, національной и сословной терпимости, идея нравственнаго равноправія всѣхъ людей, космополитическое чувство связи съ цѣлымъ человѣчествомъ—такъ формулируетъ Пыпинъ тѣ масонскія идеи, которыя сдѣлали Новикова ревностнымъ масономъ. Все это совершенно вѣрно, но этимъ еще не исчерпывается сущность вопроса. За всѣмъ тѣмъ Новиковъ былъ убѣжденнымъ *мистикомъ*, а какими бы привходящими настроеніями и идейными стремленіями ни осложнялся мистицизмъ, — въ своемъ основаніи и въ своемъ коренномъ существѣ мистицизмъ представляетъ собою прежде всего извѣстную теорію познанія, притомъ такую теорію, которая открываетъ широкій просторъ безграничной фантастикѣ. Въ этомъ отношеніи между послѣдователями мистическихъ ученій можетъ существовать лишь количественное, отнюдь не качественное различіе. И только такое количественное различіе отдѣляло Новикова отъ его ближайшихъ друзей. Отъ излишествъ магическихъ бредней Новикова спасала его дѣятельная натура, его неизсякаемое стремленіе къ служенію общественному благу. Но по исходнымъ точкамъ своихъ философскихъ „воззрѣній“ и онъ стоялъ на той самой почвѣ, на которой остается одинъ только шагъ до „златодѣланія“, вызванія духовъ и другихъ хитростей „какомагіи“.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни были притягательны сами по себѣ перечисленные выше идейные элементы масонства, направленные на осуществленіе всечеловѣческаго братства и утвержденіе достоинства человѣческой личности, все же этими элементами русскіе масоны не удовлетворялись, ихъ манили къ себѣ болѣе всего вопросы гносеоло-

¹⁾ Ibid.; Шустеръ, т. II.

гическаго порядка, какъ принято выражаться на современномъ намъ философскомъ жаргонѣ. Какъ постичь пути къ познанію истины, къ познанію существа Бога, человѣка и природы? Вотъ основной вопросъ, волновавшій масонскую мысль. И на какіе бы отгѣнки ни разбивалась эта мысль въ своихъ отдѣльныхъ развѣтвленіяхъ, она всегда и неизмѣнно тяготѣла, какъ къ своему средоточію, къ тремъ основнымъ положеніямъ: 1) истина есть тайна, доступная немногимъ, 2) познавательный процессъ состоитъ не въ логической работѣ ума, а въ мистическомъ озареніи свыше и 3) это озареніе можетъ быть доступно лишь нравственно совершенному человѣку. Такимъ образомъ, добродѣтель признавалась единственнымъ путемъ къ познанію истины и нравственное ученіе масонства оказывалось неразрывно связаннымъ съ масонскимъ мистицизмомъ.

На исторіи русскаго масонства особенно наглядно видно то подчиненное значеніе, какое придавалось масонами задачамъ личнаго нравственнаго совершенствованія. Нерѣдко утверждаютъ, что въ проповѣди личнаго самоусовершенствованія состояло все существо русскаго масонства, этого „толстовства“ XVIII столѣтія. Мы думаемъ, что такое утвержденіе совершенно неправильно. Личная нравственность и работа надъ ея развитіемъ цѣнились масонами болѣе всего, какъ служебное средство, при помощи котораго можно было надѣяться проникнуть въ міровыя тайны. Мораль оказывалась лишь служанкой познанія.

Вотъ почему англійское масонство въ томъ видѣ, въ какомъ оно было сформулировано въ „Конституціяхъ“ Андерсена, не удовлетворило русскихъ масоновъ. А вѣдь тамъ уже провозглашались и идея нравственнаго самоусовершенствованія и идея всечеловѣческаго братства и равенства. Но сами по себѣ эти идеи не властны были приковать къ себѣ русскихъ масоновъ. Онѣ получили въ глазахъ русскихъ масоновъ настоящую притягательную силу лишь съ того момента, когда ихъ оказалось возможнымъ связать съ вопросами о путяхъ познанія. Уже Елагинъ, ревностный изслѣдователь англійскаго масонства, тѣмъ не менѣе чувствовалъ склонность къ мистицизму. Сильное впечатлѣніе произвело на него знакомство съ нѣкимъ Эли, повидимому, розенкрейцеромъ. 1) Въ концѣ 70-хъ годовъ въ обрядѣ принятія мастера по Елагинской системѣ прямо говорилось: „вступать въ масоны надо не для пріобрѣтенія добродѣтелей, которыя можно найти черезъ вѣру и гражданскія узаконенія, не для снисканія премудростей, которыя можно найти въ школахъ, но для открытія и переданія потомству нѣкаго важнаго таинства“. 2) Вотъ разительное доказательство тому, что русскіе ма-

1) *Пытинъ*. Русское масонство въ XVIII в.

2) *Тукалескій*. Изъ исторіи философскихъ направленій въ русскомъ обществѣ XVIII ст. *Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ.*, 1911 г., май.

соны всѣхъ направленій въ послѣднемъ счетѣ тяготѣли къ проникновенію въ тайны бытія и представляли себѣ процессъ этого проникновенія не иначе, какъ въ формѣ мистическаго озаренія.

Этотъ мистическій элементъ обезпечилъ успѣхъ и много нашумѣвшей въ тѣ времена книгѣ Сенъ-Мартена „О заблужденіяхъ и истинѣ“. Пыпинъ мѣтко назвалъ эту книгу „мистическимъ фельетономъ“, желая указать этимъ на поверхностную разбросанность изложенія Сенъ-Мартена. Дѣйствительно, перо Сенъ-Мартена весьма развязно скользитъ по разнообразнѣйшимъ вопросамъ. Но все же въ его книгѣ имѣется и нѣкоторый центръ, въ которомъ пересѣкаются расходящіяся во всѣ стороны радіусы его мысли. И этотъ центръ опять-таки имѣетъ ближайшее отношеніе къ мистической теоріи познанія. „Познаніе міра возможно,—говоритъ Сенъ-Мартенъ,—но истина доступна лишь *избраннымъ*“. Кто же эти избранные? Это тѣ, кто способенъ къ непосредственному сліянію съ высшими „силами“ вселенной, сообщающими знаніе высочайшихъ тайнъ Божества и его созданія. Подъ этими „силами“ Сенъ-Мартенъ разумѣетъ не физическіе законы природы, а цѣлую іерархію спиритуальныхъ существъ, являющихся „истечениями“ основного верховнаго начала всего существующаго. Человѣкъ можетъ достигать сліянія съ этими силами, и въ стремленіи къ этому состоитъ подлежащее человѣчеству „великое дѣло“ (*grand oeuvre*). Такое сліяніе и приведетъ къ тому, что въ глазахъ людей будутъ сдернуты покровы съ тайнъ бытія. Но для этого человѣку нужно оторваться отъ земной ограниченности. Вотъ это-то и доступно лишь *избраннымъ*, способнымъ на магическія манипуляціи, о которыхъ Сенъ-Мартенъ не говоритъ прямо, но на которыя явственно намекаетъ. Тѣ же самыя идеи проводились и въ философскихъ лекціяхъ вождя московскихъ розенкрейцеровъ Шварца. Шварцъ училъ, что разумъ познаетъ лишь „внѣшній міръ“ и безсиленъ проникнуть въ „міръ духовный“. Это проникновеніе въ тайны духовнаго міра возможно лишь путемъ мистическаго соединенія съ Божествомъ. Такое проникновеніе доступно лишь *избраннымъ* духоносцамъ. Обычный человѣкъ есть лишь высшая стадія развитія видимаго міра. Но путемъ нравственнаго совершенствованія можно подняться еще выше и развить въ себѣ такія духовныя силы, полное раскрытіе которыхъ дѣлаетъ человѣка низшимъ состояніемъ міра духовъ-ангеловъ. Достиженіе этого и есть „духоносцы“. Имъ открываются всѣ тайны бытія. Къ числу такихъ „духоносцевъ“ принадлежалъ, напримѣръ, Яковъ Беме.¹⁾

Такъ училъ Шварцъ, основатель розенкрейцерскаго кружка въ Москвѣ. Здѣсь опять мы находимъ все тѣ же основныя положенія маонской теоріи познанія. Истина есть тайна, открывающаяся не усилія-

¹⁾ Тукалевскій, *ibid.*

ями ума, а нравственными подвигами воли. Добродѣтель имѣеть цѣну болѣе всего какъ ключъ къ тайнамъ бытія. Все познать можно только путемъ побѣды надъ грѣховностью человѣческой природы. Совершеннымъ знаніемъ обладалъ Адамъ до грѣхонаденія, ибо онъ „былъ“ вмѣстѣ съ Богомъ и непосредственно созерцалъ *misterium magnum* вселенной. Появленіе грѣха убило это знаніе. Значить, для познанія истины возможенъ только одинъ путь: борьба съ грѣхомъ и приближеніе къ духовному состоянію Адама до грѣхонаденія. Потому-то, согласно масонскому катехизису Лопухина истиннымъ масономъ признавался тотъ, кому „извѣстна та невидимая и неустроенная земля и тѣ воды, на коихъ носился духъ великаго строителя вселенной при ея сотвореніи“.

Такъ, въ масонскомъ ученіи нельзя отдѣлять, какъ два независимые другъ отъ друга элемента, проповѣдь личнаго нравственнаго совершенствованія и мистическія увлеченія. То и другое органически связывалось въ масонской теоріи познанія, сводившейся къ тому, что знаніе не вырабатывается дѣятельностью ума, а дается, какъ откровеніе, тѣмъ, кто по своимъ нравственнымъ совершенствамъ достоинъ воспріять его.

Представляя себѣ процессъ познанія истины, какъ слияніе человѣческаго духа съ высшими духовными существами, розенкрейцеры логически заключали отсюда, что обладаніе знаніемъ истины нераздѣльно соединяется съ полученіемъ той же власти надъ міропорядкомъ, которая свойственна высшимъ духовнымъ существамъ. Приобрѣтая знаніе міровыхъ тайнъ, человѣкъ тѣмъ самымъ становится высшимъ духовнымъ существомъ, т.-е. дѣлается властелиномъ надъ міропорядкомъ или магомъ. Вѣра въ магію являлась, такимъ образомъ, не случайнымъ наростомъ на масонской философіи, а органическимъ составнымъ элементомъ той разновидности мистицизма, которая была усвоена масонской мыслью. Потому и въ лекціяхъ Шварца магіи и каббалистикѣ приписывалось важное значеніе.

Полагаю, что послѣ предложенныхъ выше соображеній насъ уже не удивить то обстоятельство, что московскіе искатели истиннаго масонства, отшатнувшись отъ системы строгаго наблюденія, попались въ сѣти розенкрейцерства. Тамъ они испугались како-магіи. Но и здѣсь они опять на нее же натолкнулись. Одни на этотъ разъ увлеклись ею, какъ Трубецкой и Кутузовъ. Другіе продолжали сердито отворачиваться отъ нея, какъ Новиковъ. Но первые были послѣдовательнѣе вторыхъ. Сказавшимъ А нужно уже говорить и Б. Нерѣдко люди, принявъ извѣстныя послылки, съ неудовольствіемъ отворачиваются отъ вытекающихъ изъ нихъ заключеній. Но неудовольствіе въ такихъ случаяхъ все же нисколько не уменьшаетъ неизбѣжности этихъ заключеній, разъ только люди не догадываются, что начать надо съ борьбы съ предпосылками.

Такие люди, как Новиковъ, были искренними и честными искателями истины. Ихъ невольно коробили нелѣпости масонскихъ увлеченій. Они отбивались, какъ могли, отъ этихъ нелѣпостей. Но отбиться отъ нихъ оказывалось невозможнымъ. Причины этой невозможности оставались, однако, непонятными для Новикова и людей его склада, такъ какъ они принимали за злоупотребленіе ихъ системой то, что неизбежно вытекало изъ ея сущности. Что можетъ быть трагичнѣе для искренняго мыслителя?

IV.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Новиковъ и его друзья были убѣжденными противниками внесенія политическихъ тенденцій въ кругъ дѣятельности масонскаго ордена. Въ своихъ исканіяхъ истиннаго масонства москвичи особенно остерегались того, какъ бы не попасть въ сѣти какой-либо политической организаціи. Они имѣли основаніе быть насторожѣ въ этомъ отношеніи. Политика усиленно льнула къ масонству и вопреки многимъ утвержденіямъ, основаннымъ на смѣшеніи масонства съ иллюминатствомъ, къ масонству прилипали политическія группировки не революціонной, а реакціонной окраски.

Въ первой половинѣ XVIII ст. подъ флагомъ масонства составлялись различныя организаціи, направленные на возстановленіе Стюартовъ. Около половины XVIII ст. англійскій претендентъ Карль-Эдуардъ совмѣстно съ нѣмецкимъ масономъ барономъ Гундомъ основали „систему строгаго наблюденія“. Эта организація имѣла чисто политическую подкладку. При помощи ея предполагалось превратить масонство въ настоящій рыцарскій союзъ дворянства всей Германіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ.

Мы уже знаемъ, что эти политическіе происки отбили у московскихъ масоновъ вкусъ къ системѣ строгаго наблюденія. Но и въ этомъ отношеніи имъ предстояло сдѣлаться жертвой рокового недоразумѣнія. Розенкрейцерство, какъ разъ въ то время, когда москвичи пристали къ нему, само превратилось въ чисто-политическій комплотъ наихудшаго качества. Въ Берлинѣ во главѣ розенкрейцеровъ появился кружокъ самыхъ беззащитныхъ интригановъ и политикановъ. Спекулируя на вошедшія въ моду увлеченія мистикой и магіей, эти ловкіе шарлатаны и мошенники поставили себѣ весьма смѣлыя цѣли и дѣйствительно достигли ихъ. Вождемъ этого комплота былъ Вёлльнеръ. Желая во что бы ни стало пробиться къ вершинѣ власти, Вёлльнеръ пытался втереться въ довѣріе Фридриха II, но прозорливый король быстро распозналъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. „Der Wöllner,—сказалъ Фридрихъ,—ist ein betriegerischer und intriganter Pfaffe“. Отвергнутый королемъ, Вёлльнеръ принялся за кронпринца. Въ союзъ съ Бишофсвердеромъ онъ совсемъ вскружилъ слабую голову кронпринца всякими магическими фо-

кусами. Въ концѣ-концовъ кронпринцъ былъ принятъ въ члены розенкрейцерскаго ордена. Конечно, все это дѣлалось не спроста и лишь только Фридрихъ II умеръ, Вёлльнеръ и Бишофсвердеръ оказались при новомъ королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ II во главѣ управленія государствомъ. Вёлльнеръ занялъ министерскій постъ и не замедлилъ заполнить многія высшія государственныя должности подручными себѣ темными проходимцами изъ компаніи подозрительныхъ духовидцевъ. На цѣлый рядъ лѣтъ надъ Пруссіей нависло господство безудержной и безсовѣстной реакціи.

Поѣздка Шварца въ Берлинъ и присоединеніе новиковскаго кружка къ розенкрейцерству пало какъ разъ на то время, когда Вёлльнеръ находился въ разгарѣ осуществленія своихъ замысловъ при дворѣ кронпринца. Какъ же могло случиться, что Новиковъ и его друзья—принципальные отрицатели политическихъ предпріятій—признали духовное надъ собою руководство отъявленныхъ политическихъ интригановъ?

Кажется, по этому вопросу и въ настоящее время надлежитъ признать полную силу за сужденіемъ, высказаннымъ нѣкогда Пыпинымъ: „московскимъ масонамъ, — говоритъ Пыпинъ, — осталась неизвѣстная гнусная закулисная интрига, надъ которой работали берлинскіе розенкрейцеры. Нѣтъ никакихъ данныхъ о томъ, чтобы московскіе масоны были посвящены въ эти политическіе интриги, и нѣтъ основаній не довѣрять показаніямъ всѣхъ нашихъ розенкрейцеровъ, единогласно отрицающихъ въ московскомъ своемъ орденѣ какія-либо политическія тенденціи“.

Это мнѣніе Пыпина, думается намъ, не только не поколеблено въ наши дни, но даже получило дальнѣйшее подтвержденіе. Исслѣдователей долго смущали глухія извѣстія о томъ, что новиковскій кружокъ входилъ въ какія-то сношенія съ русскимъ наследникомъ престола Павломъ Петровичемъ. А такъ какъ во время слѣдствія надъ Новиковымъ Екатерина придавала особенное значеніе вопросу объ этихъ сношеніяхъ—объ этомъ опредѣленно свидѣтельствуетъ Лопухинъ,—то и получалась возможность предполагать, что попытки русскихъ масоновъ сблизиться съ Павломъ Петровичемъ преслѣдовали какую-то политическую цѣль. Въ настоящее время исторія этихъ сношеній освѣщена документами съ полною подробностью и уже не остается никакой возможности сомнѣваться въ совершенно невинномъ характерѣ ихъ. Въ сущности, эти сношенія ограничились поднесеніемъ Павлу Петровичу чрезъ Баженова нѣсколькихъ книгъ. Книги цесаревичъ принималъ благосклонно, но что касается возможности какого-то особеннаго расположенія Павла къ московскому кружку мартинистовъ, то всякія предположенія на этотъ счетъ рушатся въ виду сообщенія Баженова о сло-

вахъ, сказанныхъ ему Павломъ: „я тебя люблю,—говорилъ цесаревичъ,—и принимаю, какъ художника, а не какъ мартиниста; объ нихъ же и слышать не хочу и ты рта не разъвай объ нихъ говорить“. ¹⁾

Авторъ предисловія къ академическому изданію перениски московскихъ масоновъ, Я. Л. Барсковъ, склоненъ, повидимому, придавать болѣе серьезное значеніе и связямъ московскихъ розенкрейцеровъ съ Павломъ и приобщенности москвичей къ политическимъ планамъ берлинскихъ розенкрейцеровъ. Въ одномъ мѣстѣ своего предисловія онъ говоритъ: „вѣдь и русскіе розенкрейцеры, подобно нѣмецкимъ, надѣялись, что современемъ ихъ поддержитъ верховная власть. Это не значить, что было полное сходство въ мистикѣ и политикѣ тѣхъ и другихъ; есть основаніе думать, что въ политикѣ русскихъ братьевъ было больше искренности и безкорыстія, нежели у прусскихъ; общимъ было то, что въ Москвѣ и Берлинѣ мистика тѣсно сплелась съ политикой“.

Мнѣ кажется, что даже и съ такими смягчающими оговорками нельзя поддерживать это положеніе. Что Шварцъ и другіе московскіе мартинисты лелѣяли мечту о томъ, чтобы Павелъ сталъ во главѣ ихъ организаци, это не подлежитъ сомнѣнію и доказывается прямыми документальными свидѣтельствами. Но вѣдь такое желаніе еще не есть непременно „политика“. Ни изъ чего не видно, чтобы московскіе мартинисты подобно берлинскимъ ставили себѣ цѣлью рано или поздно сосредоточить въ своихъ рукахъ вліяніе на государственное управленіе; ни изъ чего не видно, чтобы они имѣли въ виду сблизаться съ наследникомъ престола для проложенія себѣ пути къ власти. Я. Л. Барсковъ вслѣдъ за Тихонравовымъ обращаетъ вниманіе на то, что Панинъ, другъ и покровитель московскихъ масоновъ, представлялъ Павлу какіе-то государственные проекты. Однако связь этихъ проектовъ съ намѣреніями новиковскаго кружка ничѣмъ не подтверждается кромѣ того, что о такой связи подозрѣвала Екатерина. Но вѣдь мало ли въ чемъ Екатерина либо искренно, либо неискренно подозрѣвала московскихъ мартинистовъ? Она подозрѣвала ихъ и въ тождествѣ съ иллюминатами, а мы знаемъ, какъ далеко было это отъ истины!

Между тѣмъ, мы могли бы приписывать политическое значеніе желанію московскихъ масоновъ сблизиться съ Павломъ лишь въ томъ случаѣ, если бы это желаніе было внушаемо именно планами участія масонскаго кружка въ государственной власти. Но разъ такихъ плановъ ни въ чемъ не обнаруживается, само по себѣ тяготѣніе новиковскаго кружка къ Павлу Петровичу не даетъ основаній проводить даже и отдаленную параллель между образомъ дѣйствій московскихъ и берлинскихъ розенкрейцеровъ въ этомъ отношеніи. Московскіе розенкрейцеры

¹⁾ „Сборникъ русск. историч. общ.“, II, стр. 120.

могли желать привлеченія въ свою среду наследника престола, во-первыхъ, въ цѣляхъ пропаганды своихъ религіозно-мистическихъ и филантропическихъ воззрѣній, во-вторыхъ, въ цѣляхъ самосохраненія, для обезпеченія своему дѣлу твердой опоры на будущія времена. Все это было бы совершенно естественно, помимо какихъ бы то ни было политическихъ происковъ.

Другое дѣло—берлинскіе „братья“, искушенные въ политическихъ интригахъ. Они тоже весьма заботились о привлеченіи Павла къ ордену, и вотъ съ ихъ стороны такія заботы не могутъ не внушать опредѣленныхъ подозрѣній. Я. Л. Барсковъ собралъ въ своемъ предисловіи къ письмамъ масоновъ любопытныя указанія на то, что берлинцы, насажда свое вліяніе въ Россіи, не упустили изъ виду и чисто политическихъ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи очень интересенъ дневникъ Шредера, выѣхавшаго изъ Германіи въ Москву авантюриста, по смерти Шварца, захватившаго на время въ свои руки завѣдываніе сношеніями московскихъ розенкрейцеровъ съ Берлиномъ. Шредеръ записывалъ въ дневникѣ бесѣды, которыя онъ велъ въ Берлинѣ съ Бишофсвердеромъ. Среди записей о чудесахъ и привидѣніяхъ мы наталкиваемся здѣсь время отъ времени и на такія замѣтки: „сдѣлано было много замѣчаній о присоединеніи Крыма“ или „Лифляндію слѣдуетъ присоединить къ Пруссіи“ или „Бишофсвердеръ видѣлъ планы къ укрѣпленіямъ противъ Россіи“ и на-ряду съ этимъ: „принцъ Евгений Вюртембергскій и Вѣльнеръ говорятъ, что великій князь былъ бы навѣрное очень хорошъ въ хорошихъ рукахъ“.

Для этихъ людей, видѣвшихъ въ политической интригѣ свое призваніе, вопросъ о привлеченіи Павла къ масонскимъ кругамъ, несомнѣнно, соединялся съ мечтами о включеніи Россіи въ орбиту прусской политики ради лучшаго обезпеченія прусскихъ интересовъ. Что же касается москвичей, то они не только не имѣли ничего общаго съ этими замыслами, но и вообще не желали ничего знать о какихъ бы то ни было политическихъ вопросахъ и задачахъ. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени важно показаніе Новикова о тѣхъ наставленіяхъ, которыя были даны въ Москвѣ Кутузову передъ отправленіемъ его въ Берлинъ. По словамъ Новикова, Кутузову передъ отъѣздомъ было сказано, „что онъ, ежели хотя малѣйше примѣтитъ, что связь нашу орденскую захотятъ употребить къ политическимъ видамъ, то чтобы тотчасъ изъ Берлина выѣхалъ“.

Я. Л. Барсковъ, повидимому, склоняется къ тому предположенію, что основатель московскаго розенкрейцерскаго кружка Шварцъ имѣлъ какія-то особыя, тайныя отъ своихъ московскихъ „братьевъ“, соглашенія съ берлинцами. Упомянувъ о восторженномъ отношеніи къ Шварцу его московскихъ друзей и приведя затѣмъ отрицательныя мнѣнія о

Шварцъ Елагина, Виганда и анонимнаго ритора „Трехъ знаменъ“, рисующія Шварца грубо-властнымъ человѣкомъ и приписывающія Шварцу тайную цѣль ниспроверженія въ Россіи православія, Я. Л. Барсковъ замѣчаетъ: „многое въ этихъ извѣстіяхъ нельзя согласовать ни съ восторженными отзывами о Шварцѣ его „братьевъ“ по ордену, ни съ его собственными писаніями; однако, эти отзывы и писанія даютъ лишь блѣдную тѣнь идеалиста-мистика, запутавшагося въ худшей изъ всѣхъ масонскихъ системъ, а извѣстія Виганда, Елагина и ритора Трехъ знаменъ изображаютъ Шварца яркими чертами, какъ человѣка, одареннаго желѣзной волей и мощной энергіей, самостоятельно и упорно стремившагося къ достиженію ему одному извѣстной цѣли, ради которой онъ считалъ возможнымъ вступить и въ „дьявольскій орденъ“. Допустить, что этотъ „дикій гений“ былъ искренно увлеченъ „тайнами“ розенкрейцерства и вѣрилъ въ могущество „неизвѣстныхъ начальниковъ“, способныхъ по своей волѣ измѣнять міровой порядокъ, значило бы отказаться отъ всякой надежды разсѣять тотъ мистическій туманъ, которымъ окутана вся дѣятельность новиковскаго кружка“.

Намъ кажется, что пока нѣтъ основаній отказываться отъ того представленія о личности Шварца, какое слагается на основаніи отзывовъ о немъ его московскихъ друзей. Врядъ ли указанія Елагина, Виганда и анонимнаго ритора могутъ взять надъ ними перевѣсъ въ нашихъ глазахъ. Оцѣнить степень достовѣрности показаній ритора мѣшаетъ анонимность этого свидѣтеля: мы не знаемъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Елагинъ, какъ-ни-какъ, былъ представителемъ направленія, соперничествовавшаго съ розенкрейцерствомъ, онъ могъ даже невольно сгущать краски. Показаніе Виганда также требуетъ провѣрки. Мы не знаемъ, правильно ли Вигандъ понималъ значеніе того, что слышалъ отъ Шварца. Что же касается разсказа Виганда о томъ, что Шварцъ передъ смертью сказалъ про розенкрейцерскій орденъ: „это—дьявольскій орденъ; если Господь пошлетъ мнѣ исцѣленіе, то я поступлю въ общину геригутеровъ“, то разсказъ этотъ, если онъ достовѣренъ (замѣтимъ, что Вигандъ самъ былъ геригутеромъ), свидѣтельствуешь лишь о томъ, что Шварцъ при концѣ жизни разочаровался въ берлинскихъ братьяхъ, понявъ, что они изъ себя представляютъ. Между тѣмъ, восторженные отзывы о Шварцѣ его московскихъ „братьевъ“ тоже что-нибудь вѣдь значать. Въ особенности важно отношеніе къ Шварцу Новикова. Новиковъ вовсе не былъ довѣрчивой овцой, послушной любому пастуху. Шредера Новиковъ раскусилъ отлично. Важно и то, что Новиковъ не во всемъ былъ согласенъ съ Шварцемъ; напротивъ, между ними бывали существенныя разногласія; значить, здѣсь не было со стороны Новикова безотчетнаго ослѣпленія. И если, несмотря на это, Новиковъ чтить память Шварца и покоилъ у себя въ деревнѣ его семью послѣ его

смерти, то, значить, восторженное отношеніе къ Шварцу его друзей имѣло-таки за собой реальныя основанія. Читль память Шварца и Карамзинъ, а Карамзинъ вовсе не былъ ослѣпленъ масонствомъ и скоро совѣмъ порвалъ съ нимъ. Все это побуждаетъ предполагать, что высокая оцѣнка личности Шварца его друзьями вытекала не изъ духовнаго ихъ порабощенія его сильной натурой, а изъ сознательнаго признанія его высокихъ достоинствъ; все это побуждаетъ также отнестись съ крайней осторожностью къ отрицательнымъ отзывамъ о Шварцѣ, дошедшимъ до насъ отъ людей, которые стояли сравнительно дальше отъ розенкрейцерскаго кружка.

Итакъ, мы полагаемъ, что московскіе розенкрейцеры, включая и Шварца, не были посвящены въ политическіе замыслы берлинскихъ братьевъ и сами не питали какихъ-либо заднихъ мыслей и сокровенныхъ плановъ, помимо тѣхъ религіозно-философскихъ и филантропическихъ задачъ, которыхъ они ни отъ кого не думали скрывать.

Тѣмъ не менѣе остается очень характернымъ то обстоятельство, что московскіе розенкрейцеры вообще могли поддерживать довѣрчивыя отношенія съ людьми такого калибра, какими были берлинскіе политиканствующіе интриганы. Какъ-ни-какъ, явный проходимецъ Шредеръ игралъ видную роль въ московскомъ розенкрейцерскомъ кружкѣ и только Новиковъ разгадалъ эту темную личность. Кутузовъ же, напримѣръ, умилялся передъ Шредеромъ. Тотъ же Кутузовъ въ Берлинѣ избралъ своимъ наставникомъ въ масонской наукѣ Дюбоска и ставилъ высоко его руководство, и не подозрѣвая, что это—не болѣе какъ аферистъ и спекулянтъ. Наконецъ, передъ глазами Кутузова и его московскихъ коллегъ была вся напитанная мракобѣсіемъ реакціонная дѣятельность берлинскихъ розенкрейцеровъ, дорвавшихся до власти. Это не мѣшало имъ съ довѣріемъ относиться къ своимъ берлинскимъ учителямъ и руководителямъ. Нѣтъ надобности заключать отсюда, что московскіе масоны раздѣляли реакціонную политическую программу Вѣльнера и компаніи. Изъ показанія Новикова, цитированнаго выше вытекаетъ другое: московскіе розенкрейцеры просто не обращали вниманія на политическую сторону дѣятельности берлинцевъ, замыкаясь исключительно въ кругъ отвлеченно-философскихъ вопросовъ. Политика для нихъ какъ будто не существовала и они сознательно не вводили разбора политическихъ дѣйствій своихъ берлинскихъ братьевъ въ оцѣнку ихъ личностей. Вотъ въ этомъ-то, думается мнѣ, и кроется объясненіе тому, почему наши религіозные мечтатели такъ легко попали въ столь предосудительную въ политическомъ отношеніи компанію. Ихъ привелъ къ тому какъ разъ ихъ принципіальный аполитизмъ. Если бы они не отвергивались отъ обсужденія чисто политическихъ вопросовъ, имъ пришлось бы распространить свою оцѣнку и на такія дѣйствія сво-

ихъ берлинскихъ друзей, разсмотрѣніе которыхъ могло бы подорвать и моральный авторитетъ этихъ послѣднихъ. Новиковъ и его друзья не понимали того, что принципиальное отрицаніе политики само по себѣ есть уже политика и притомъ наихудшая, ибо подъ ея покровомъ всего легче раскидываетъ свои сѣти надъ простодушными людьми самое беззастѣнчивое политиканство.

Мы разсмотрѣли тѣ роковыя недоразумѣнія, которыми была преисполнена судьба московскихъ розенкрейцеровъ. Заблужденія и ошибки этихъ людей для насъ очевидны. Но почему же, несмотря на ихъ заблужденія и ошибки, мы не можемъ отказать имъ въ нашей симпатіи? Не только потому, что ихъ преслѣдовали и гнали незаслуженно и несправедливо. А также и потому, что ихъ ошибки были не ошибками старчества, а ошибками молодости только что нарождавшейся тогда русской интеллигенціи. Въ основѣ ихъ ошибокъ лежалъ искренній порывъ къ исканію идеала, искренняя неудовлетворенность обывательскою пошлостью. Въ своихъ исканіяхъ они попадали на невѣрные пути. Ихъ попытки проникнуть въ тайны бытія напоминаютъ полетъ Дедала, кончившійся паденіемъ. Но вѣдь, несмотря на неудачу перваго аэронавта, самое стремленіе его взлетѣть въ небесную высь вызываетъ невольный восторгъ именно потому, что его опытъ предшествовалъ появленію научно поставленной аэронавтики. Въ наши дни Дедаловъ полетъ былъ бы только смѣшонъ и жалокъ. Смѣшна и жалка была бы въ наши дни и розенкрейцеровская премудрость, тогда какъ для эпохи первыхъ шаговъ младенчествующей русской интеллигенціи идейная трагедія московскихъ розенкрейцеровъ носила на себѣ всѣ черты духовнаго подвига.

А. Кизеветтеръ.